

Вступительная кампания-2026.

Повышение психоза на постсоветском пространстве. Социология Герберта Спенсера

[Стрим СЗО-75 в Telegram от 29 июля 2026](#)

[Youtube](#)

[Яндекс. Музыка](#)

[Аудио на podster.fm](#)

Беседа [Семёна Уралова](#) и [Темыра Айтеевича Хагурова](#)

Семён Уралов. Добрый вечер, уважаемые слушатели! 29 июля 2026 года, 9 вечера, и время «[Социологии здорового общества](#)», наших бесед с Темыром Айтеевичем Хагуровым, социологом-девиантологом, проектором Кубанского государственного университета.

Темыр Айтеевич, вечер добрый!

Темыр Хагуров. Добрый вечер, Семён Сергеевич, добрый вечер, уважаемые слушатели!

СУ. Но прежде чем мы перейдём к нашим социологическим разборам, музыка всегда имеет значение. Мы сегодня слушали [что-то очень задорное и современное](#). Темыр Айтеевич, музыку выбирает всегда собеседник. Рассказывайте, что мы слушали и почему.

ТХ. Мы слушали шуточную песенку. Она известна с советских времён. Я её слышал в несколько [другом исполнении](#), ещё в 80-е годы, в детстве. Песенка переделана на мотив [песни о танкистах](#), видимо, связана с [инцидентом на острове Даманском](#). Видимо, такие корни.

Но интересен исполнитель. Исполнитель — это ИИ-певица, компьютерный персонаж [Тина Клофелин](#). Мы на прошлой передаче [обсуждали](#) новые ролики для детей и их персонажей, Брдыщ, Черемша, которые, кстати, сейчас входят в топ мемов популярных среди молодёжи. Но вот Тина Клофелин — это уже следующая генерация персонажей, образ певицы с определённым репертуаром и т. д. Это интересное явление. Мы сейчас будем наблюдать всё большее появление среди медийных личностей таких персонажей, созданных искусственным интеллектом, которые имитируют реального человека. Уже есть [американская актриса](#), вот сейчас забыл, как её зовут, целиком сгенерированная ИИ, которая ведёт свои социальные сети, у которой даже есть поклонники и т. д.

Но это следующий шаг вперёд для подростковой аудитории, которая раньше влюблялась в звёзд шоу-бизнеса и была фанатами. Сейчас мы, наверное, получим какую-то армию фанатов таких ИИ-персонажей разных.

СУ. Надо сказать, что сам ник, кличка, творческий псевдоним очень девиантологический. Правильно? Девиантный, вполне себе. Клофелин — ассоциации идут, особенно для людей 90-х, прямые.

ТХ. Да, безусловно. Это такой юмор на грани фолы, стёб над образами. Певица, на видео будет возможность посмотреть, в школьной форме, но с панковским ошейником, с соответствующей причёской.

Это стёб над панк-культурой, советской культурой, над эстетическими чувствами зрителя и т. д. и апелляция где-то, наверное, к ностальгии поколения X отчасти. Я думаю, что всё-таки главная аудитория здесь не дети и подростки, а их родители. Но это просто один из примеров.

СУ. А вокал в стиле звёзд шансона уже 90-х, с лёгкой хрипотцой, такой грудной голос. То есть это правда попадание сразу в несколько поколений. Обращайте внимание, зрители, на то, как

современные технологии работают на несколько поколений, и голосом, и образами, и чем бы то ни было.

Итак, уважаемые слушатели, кто к нам присоединился впервые, наша рубрика «Социология здорового общества», или сокращённо — СЗО, сегодня уже 75-й выпуск, мы разбираем как текущие социологические тенденции с точки зрения девиантологии (это отдельное направление в социологии, кто впервые [с нами], прослушайте наши первые восемь бесед, там вся теоретическая база, как мы движемся в анализе), а также мы разбираем, с одной стороны, наследие культурное, как современное, так и советской античности. А сейчас мы ещё приступаем к просвещенческой рубрике. Это азы социологии, но она у нас будет во второй половине беседы. Сначала мы анализируем текущую повестку.

Сегодня у нас на обсуждение два вопроса. Первое — это, как обозначено, лёгкий психоз, какие-то припадки в обществе. Мы наблюдаем, что происходит на текущих событиях. И в [Грузии произошёл показательный случай](#), и у нас сегодня психоз разгоняли с [объявлением в международный розыск](#) основателя «Телеграма». Каждый день какие-то новости приносятся, и социологи фиксируют нарастание.

Темыр Айтчевич, что вы видите в последних тенденциях? На что обратить внимание? Начнём с этого вопроса.

ТХ. Первое, мы видим нарастание турбулентности и в информационной среде, и в реакциях общества на эту среду.

Шокирующие новости стали в определённом смысле привычными.

На них бывает достаточно острая эмоциональная реакция в обществе. Причём это новости разные: политические, из рубрики «Происшествия», просто какие-то темы, которые вбрасываются и т. д. С одной стороны, это всё объяснимо, мы говорили в предыдущих передачах, и не мы одни, практически все аналитики это фиксируют:

мир в целом входит в полосу нестабильности, турбулентности, глобальной системной трансформации.

А эти слова означают, что

повседневная жизнь людей начинает меняться, общественные отношения тоже начинают меняться, какие-то модели поведения, казавшиеся раньше неприемлемыми, непривычными, невозможными, вдруг обнаруживают свою распространённость.

Один инцидент, мы его комментировали на площадке [АНО «Евразия»](#) центра ЭВМ, — это произошедший в Грузии конфликт, который в городе Телави произошёл между мужчиной-грузином и гражданками России. Конфликт произошёл в гостинице, видео облетело очень многие социальные сети новостные, где мужчина, требуя от девушек прекратить говорить на русском языке, врывается к ним в номер и в итоге избивает одну из них, сильно бьёт. Она с травмами попадает в больницу. Молодого человека задерживают, возбуждают уголовное дело.

Тут же мы видим выступления в поддержку этого юноши со стороны грузинской общественности и т. д.

Казалось бы, бытовой эпизод: драка, хам, или преступник, негодяй, повёл себя неподобающим образом, но в реакции общества мы видим некие глубинные процессы, неоархаизация, вторичная варваризация. Мы сейчас это видим, новая волна одичания, иногда социологи используют термин «цифровое одичание», или «цифровая десоциализация», говоря о том, как это влияет на подростков, юношество, на молодое поколение. Вот такая архаизация, то есть грубое насилие по отношению к женщине, в классической кавказской культуре, в советской культуре, в европейской либеральной культуре — это абсолютно неприемлемые вещи. Тем более, что повод — это смешной какой-то бытовой мелкий конфликт.

На этом фоне

мы видим рост тенденций неонацизма,

поскольку там предмет конфликта — это русский язык, а агрессивная русофобия — один из главных признаков неонацизма, поскольку

неонацизм — это фактический реванш того фашизма, который был разгромлен нами в 1945 году, и он нам это не простит.

Это важно понимать.

Сейчас эту волну разгоняют в буквальном смысле наследники, правнуки, внуки и духовные, идеологические наследники тех нацистов, которые были разгромлены Советским Союзом, русским народом, в смысле большим русским народом, куда входят все народы России, во время Великой Отечественной войны. [Мы видим] агрессивную русофобию, а СВО, ситуация на Украине — наиболее яркий симптом.

Ещё в этом инциденте мы видим определённые разрывы, лакуны в политическом пространстве, поскольку инцидент нашумевший и т. д., а какой-то официальной реакции на него не последовало. Видимо, официальные представители сочли его незначительным или не поводом обострять отношения с соседями. У нас и так хватает обострений. В общем,

это один из симптомов состояния общества, его политической сферы, ожиданий общества от этой политической сферы, несбытаемость этих ожиданий и соответствующая эмоциональная реакция.

СУ. Я тут немножко добавлю, что Грузия оказалась в этом смысле в уникальной ситуации. Надо следить за грузинским обществом, потому что, с одной стороны, туда поехала значительная часть наших релокантов (этот «[философский самокат](#)»), а с другой стороны, большое количество переехавших из Украины и не завершающийся собственный политический кризис, там каждую неделю водят колонны демонстрантов. Власть держится, но уровень политизации не снижается. И общество, которое в начале 90-х [боролось](#) за моноэтническую модель, внезапно оказалось насыщено очень разными представителями. Никогда не было на ПМЖ такое количество представителей и России, и Украины, причём очень разных

политических взглядов. Если «философский самокат» — это наши «убежанты», то есть оппозиционеры, так или иначе, то со стороны Украины там очень пёстрый набор этих «убежантов», там как просто люди, которые ищут относительно спокойной жизни, то есть просто укрываются от войны, так и политизированные. И в результате в Грузии собственная политизация усилилась ещё политизацией внешней, и несмотря на относительно потепление отношений на уровне государств между Москвой и Тбилиси, общество продолжает находиться в психозе.

И по этой теме я бы ещё хотел, чтобы мы разобрали коротко ситуацию, то, что я наблюдаю уже в нашем российском обществе. Я обозначил эту тенденцию как нарастание ропота. Не надо ни в коем случае это выдавать за какое-то там недовольство, протесты, ещё что-то. Нет, это именно ропот, когда есть непонимание того, что происходит. С одной стороны, это фактор системный, то есть очень долгое СВО, когда было преодолена символическая дата в сравнении с Великой Отечественной, он начал нарастать. С другой стороны, это всё ещё добавило к этому ропоту непонятная тенденция «[духа Анкориджа](#)», который активно продвигался, но непонятно, что это такое, с чем его едят, что это значит. Это создало в обществе некий определённый набор иллюзий или самооблечения какого-то. А с третьей стороны, это ещё и усилилось уже последние полтора-два месяца к переходу СВО на качественно новый уровень, когда начали наносить удары уже по нашим даже не ближним, а средним тылам. То есть это уже Западная Сибирь, в том числе, оказалась, не говоря уже про Краснодарский край. Мы сейчас находимся в нашей студии «Маячок» в Краснодаре. Сирены стали всё более и более нормой. Сегодня вышла новость о том, что в Краснодарском крае будут создаваться мобильные огневые группы из числа работников предприятий, то есть это переход ещё на некий новый уровень мобилизации общества.

Я это обозначил (как начинающий социолог) как ропот. Что мы фиксируем в нашем обществе именно в контексте политизации, психотизации, не знаю? Что мы видим.

ТХ. Да, здесь ещё можно добавить следующее:

параллели между СВО и Великой Отечественной войной, наверное, менее корректны, чем параллели между СВО и Первой мировой войной, потому что ситуация развивается очень похожим образом.

Вначале общественная поддержка, массовый энтузиазм волонтеров и т. д., потом накапливающаяся усталость общества, позиционная, по сути, своей война, несмотря на взятие отдельных населённых пунктов. Напомним, что за четыре года Великой Отечественной войны фронт от западных границ, докатившись до Москвы, потом докатился до Берлина. Здесь мы ничего подобного не видим. Это позиционная война с использованием новых технологий. И этому есть социологическое объяснение. Здесь хорошая объяснительная модель, наш историк отечественный [Андрей Фурсов](#) много на эту тему выступает.

Есть конфликты между государствами. Государство — это локальные системы. А мировая капиталистическая система — это глобальная система. Мировые рынки, связи, коммерческие, клановые, торговые и все прочие. Поэтому, когда конфликтуют государства, крупный международный бизнес как-то вынужден продолжать существовать, и отсюда возникает множество таких странностей, на которые общество реагирует тем самым ропотом: «Почему не наносятся удары по тем или иным объектам? Почему нет какой-то определённости или большей последовательности в применении силы?»

Возникают [параллели с Ираном](#). И здесь ответ очень простой.

То государство, чья элита менее интегрирована в эту международную капитализацию, может больше себе позволить в плане агрессивности, крайности действий. И наоборот, государство, чья элита глубоко интегрирована в мировую систему, будет действовать с полусвязанными руками.

А

мы 30 лет строили модель вхождения в Запад, и много на этом пути нам удалось добиться.

СУ. Принято, то есть война проявляет подлинный суверенитет. Так это получается.

Темыр Айтеевич, также по актуальной повестке, сейчас идёт как раз вступительная кампания по всем вузам. Я бы хотел, чтобы вы как первый проректор сделали небольшой обзор, что происходит, какие тенденции мы видим в 2026 году. Я всё-таки не академический преподаватель, я узнал, что теперь более жёстко [регулируется](#), например, количество платных мест, то есть в 2026 году много изменений. Хотелось бы политинформации, вернее, учебной информации о том, что изменилось вообще в России в 2026 году и какие тенденции мы видим у нас, в нашей альма-матер, или как в народе называют, в Кубике, то есть в Кубанском государственном университете? Что интересного, на что обратить внимание?

ТХ. Действительно много новелл. Начнём с того, что уже действует третий год система «поступай в вуз онлайн». Сейчас студенты могут подавать заявления дистанционно, одновременно в несколько вузов. И это создаёт сложности для приёмных кампаний вузов. Мы видим электронные заявления, мы их регистрируем.

СУ. Это со всей страны могут?

ТХ. Совершенно верно. Человек может находиться во Владивостоке, подать заявление в Кубанский госуниверситет. Раньше, когда люди приходили к нам в приёмную комиссию или присылали по почте заявление (было два способа), и хотя человек также мог подать документы в несколько вузов, но тем не менее, мы видели живых людей, мы понимали их намерения, и было гораздо больше определённости. Сейчас мы часто до последнего не знаем, какое количество человек реально собирается поступать к нам или рассматривает нас как запасной вариант, или просто подал на всякий случай. Приёмная комиссия сидит на обзвонах абитуриентов для прояснения их намерений. Очень небольшая часть приходит лично, хотя, слава богу, такие люди ещё остаются и там. Их можно сориентировать.

Что часто происходит? Человек приходит в приёмную комиссию и говорит: «Я хочу стать айтишником». А по ИТ-направлениям, в ИТ-сфере, несколько направлений подготовки. И они у нас на трёх факультетах локализованы: факультет компьютерных технологий и прикладной математики, математики и компьютерных наук и физико-технический. Везде своя специфика. Эти все нюансы человек узнаёт в приёмной комиссии, где ему подскажут, сколько нужно баллов ЕГЭ, где какой конкурс был в прошлом году, куда целесообразнее подавать документы. Сейчас примерно у 2/3 абитуриентов этих вопросов нет, они подали дистанционно, а дальше начинает расти напряжение к моменту, как появляются конкурсные списки и подходит время зачисления на бюджет. Это будет 5 августа. Это одна сложность.

Вторая сложность — вузам ограничили количество платных мест. В разных вузах разная ситуация, но для сравнения, более половины бюджета Кубанского государственного университета формируется за счёт средств, привлечённых от оказания образовательных и научно-технических услуг. То есть деньги, которые мы зарабатываем на обучении и научных исследованиях и разработках, составляют чуть более 50% бюджета. То есть госфинансирование далеко не всё покрывает.

А у вузов правда большой объём затрат: поддерживать здания, сооружения, общежития, лаборатории — просто в текущий ремонт, развивать как-то, строить новое, обновлять приборную, компьютерную базу. Этих текущих расходов правда много. Плюс есть некие федеральные нормы, установленные в части зарплат преподавателей, и вузы тут должны держать определённый уровень. В общем, это всё источник — внебюджетные средства.

До этого года мы могли брать на договор. Мы всегда некий план предлагали, министерство утверждало, но у нас было право брать сверх плана, если человек проходил по баллам ЕГЭ. Есть некое нижнее пороговое значение, и тех, кто его преодолевал, мы могли дозачислить, если нам позволяли площади, условия обучения и прочее. Сейчас этого нет, сейчас платный набор жёстко ограничен конкретной цифрой, и мы видим опять рост напряжения. То есть по инерции не все эти абитуриенты и их родители это понимают. «Не пройдёшь на бюджет, точно пройдёшь на договор», а в этом году на договорные места количество мест ограничено. Это ещё одна сложность.

СУ. А там по каждому факультету ограничения?

ТХ. Да, на каждом факультете установлен план бюджетного и договорного набора, и он не может быть превышен.

Теперь следующая сложная ситуация, и, пожалуй, самая сложная в этом году, которая коснётся очень многих российских вузов, это зачисление детей из семей участников Специальной военной операции. Для них существует особая квота набора, часть этих детей

имеет право поступления без вступительных испытаний. Так вот, в рамках выделенных мест, в рамках этих квот у нас до пяти – семи человек, имеющих право поступать без вступительных испытаний, на одно место.

СУ. То есть, получается, конкурс выше даже, чем?..

ТХ. Да. То количество мест, которое министерство выделяет для зачисления детей участников Специальной военной операции, по определению меньше, чем желающих поступить. И конечно, возникает очень сложная коллизия. То есть семьи наших героев имеют право на льготы, установленные министерством. И естественно, любые разговоры на тему «ребята, у вас не хватает мест» ими априори не принимаются, не понимаются, и их здесь можно понять. С другой стороны, а что делать вузам, у которых на одно место пять человек, которые имеют право поступить без экзаменов?

Выход, который предложили вузам, — набирать их бесплатно и учить за счёт средств вузов. Это тоже перекалывание финансового бремени на вузы фактически. То есть сейчас, если то количество, которое планируется зачислить, это, я на вскидку скажу, могу ошибаться, может быть, 20 академических групп. Это кратный рост нагрузки в часах, вы не посадите две или три группы в аудиторию и т. д. Это площади, это часы, это возможности планирования.

СУ. И качество образования, по сути.

ТХ. И качество образования, совершенно верно. А дальше встаёт вопрос. Люди, которые имеют право поступать без вступительных испытаний, часто подают на высококонкурсные направления подготовки, а потом возникают проблемы с тем, как они осваивают учебный материал.

СУ. То есть первая сессия всё показывает.

ТХ. Первая сессия показывает, но дальше-то начинается социальный конфликт: вуз отчисляет ребёнка из семьи участника СВО. Преподаватель говорит: «Он не тянет учебный процесс». А отцы и матери, травмированные своей ситуацией, абсолютно их можно понять, они говорят: «Слушайте, мы кровь за родину проливали», или, не дай бог, «У меня муж погиб, а вы ребёнка из вуза выгоняете». Это ситуация, где нет, к сожалению, простого решения, и какими-то регулятивными простыми мерами её сложно [решить]. Крайними в этой ситуации оказываются вузы. Вот что печально, здесь [ответственность] переложена на нас, поскольку приходят к нам, отчисляем (если отчисляем), мы и т. д. А далее идёт цепочка. Академическая группа на высококонкурсном направлении подготовки, не знаю, тот же ИТ или иностранные языки, или физтех, где лабораторная база, любое направление, не важно, та же социология, есть объём учебного материала. Мы и так воюем со студентами, поскольку, мы уже говорили об этом, и искусственный интеллект, и интернет, мы требуем от них более жёсткого освоения учебной программы, заставляем их читать, считать, писать. А вдруг мы видим, какая-то категория хуже с этим справляется.

Ещё раз, не нужно думать, что все дети из семей участников СВО учатся хуже. Нет, есть прекрасно успевающие и т. д. Но такие тоже встречаются. К ним руководство вуза требует преподавателя относиться лояльнее, с учётом всех обстоятельств. А дальше реакция группы: «Слушайте, но он не учит, ему можно, а мы что?» В общем, здесь клубок противоречий возникает и завязывается, с этим, как всегда бывает в обществе, которое принимает назад с войны какое-то большое количество людей, семей и т. д. В разрезе взгляда вузов это выглядит таким образом.

СУ. Это, конечно, ситуация парадоксальная, связанная именно с тем, что наоборот, не надо ограничивать количество платных мест, потому что за счёт этого можно было бы компенсировать квоты.

ТХ. Можно было бы компенсировать, совершенно верно.

СУ. Очень странно. Это же первый год, правильно, такая ситуация?

ТХ. Да, такая ситуация первый год. По итогам приёмной кампании, я думаю, что по многим очень вузам будут жалобы со стороны родителей в адрес министерства. Будем надеяться, что министерство здесь внимательно посмотрит на ситуацию и будет искать какие-то приемлемые механизмы её разрешения.

СУ. Да, будем надеяться, что в 2027 году работа над ошибками будет проведена.

А теперь, что касается именно нашего Кубанского государственного, какие интересные, может быть, тенденции? Куда больше всего конкурсы? В чём особенности? Пару каких-то фактов.

ТХ. Каких-то резких изменений здесь нет. В топе, если мы возьмём по количеству заявлений на одно место, у нас в прошлом году факультет компьютерных технологий и прикладной математики, романо-германской филологии, управления, психологии, истории и социологии, международных отношений, экономический. В этом году мы видим рост популярности архитектуры и дизайна. Этот факультет как-то резко прибавил, хотя там, кстати, самое дорогое обучение, но тем не менее, популярность профессии архитектора растёт. Очень востребованным остаются иностранные языки и классическая русская филология.

СУ. Как интересно! У меня, оказывается, хорошая профессия.

ТХ. Совершенно верно, да, Семён Сергеевич.

СУ. Интересно. Когда я поступал, было иначе.

ТХ. Это самые высокочисленные направления подготовки. Если мы возьмём средний балл ЕГЭ (в среднем, потому что на бюджете они всегда чуть выше, на договоре всегда чуть ниже, пока мы не видим по этому году, но я беру статистику прошлого года), лидирует факультет романо-германской филологии, там средний балл ЕГЭ — 73 у нас был в прошлом году. То есть, если мы умножаем на три, то получается где-то выше 210-220 минимальный проходной балл. Потом история, социология и международные отношения. К сожалению, лидирует не моя любимая социология, а международные отношения и зарубежное регионоведение. Социология — третья.

СУ. Все хотят быть международниками и дипломатами.

ТХ. Совершенно верно. Потом филфак.

СУ. Это классическая филология?

ТХ. Да.

СУ. Приятно.

ТХ. Компьютерная технология и прикладная математика. Но мы видим, что балл ЕГЭ по IT растёт, и не исключено, что в этом году прикладники рванут вверх. Потом — математики,

компьютерных наук, архитектуры, дизайна и т. д. Популярны по количеству заявлений юридические и экономические факультеты, там балл несколько ниже.

СУ. То есть желающих много, а балл пониже?

ТХ. Да. Здесь тенденции такие: несколько лучше ситуация обстоит на инженерных и технических специальностях, потому что одно время, два – три года назад, с ними был провал, просто дети не набирали баллов ЕГЭ для того, чтобы пройти порог подачи документов, потому что есть минимальный балл ЕГЭ, допустим, по профильной математике, по физике, который они должны пройти, чтобы подать документы. И была проблема найти абитуриентов. Но мы видим, что в обществе медленно меняется тенденция. В общем, чуть лучше дети сдают информатику, математику, физику и химию, с более высокими баллами, и мы можем их принимать.

СУ. Принято. То есть где-то в сентябре мы сможем подвести уже окончательные итоги.

ТХ. Совершенно верно.

СУ. Отлично. Мы обязательно к этой теме вернёмся, потому что система нашего высшего образования — это наше всё.

А теперь мы движемся к нашей части просветительской. У нас сегодня вторая беседа. [Первая](#) была общее введение в социологию: что это за наука, с чем её едят. И мы подробно остановились на [Конте](#) как основателе и прародителе [социологии]. Сегодня у нас, Тему́р Айтөчевич, товарищ [Спенсер](#)?

ТХ. Да, Герберт Спенсер, младший современник Конта. Что интересно, человек, не получивший классического образования, он не посещал школу, поскольку имел слабое здоровье. Его образованием дома занимались отец и дядя. Потом он несколько лет работал на железной дороге простым служащим, потом инженером, но интенсивно занимался самообразованием. В начале 800-х годов он получил наследство, благополучно получил возможность не работать и всю оставшуюся жизнь посвятил написанию трудов. Один из самых влиятельных английских социологов классического периода первой половины XIX века.

Он знаком был с работами Конта, он к нему относился, он считал себя его преемником. И здесь мы сразу сделаем оговорку, понять взгляды Спенсера, и вообще эволюцию развития социологии в XIX веке нельзя, не упомянув ещё одно влиятельное направление обществоведческой английской мысли (Спенсер англичанин), а именно — английскую классическую политэкономия. Она не считала себя социологией, она считала себя её оппонентом в политике, в качестве науки об обществе. И где-то середина XIX века — это некий диалог или спор между политэкономией и социологией. Напомню, что даже классик социологии [Маркс](#), который во всех учебниках по социологии в пантеоне классиков, социологию критиковал как буржуазную науку, оправдывающую классовое сознание, а себя считал, скорее, политэкономом и философом. Но Спенсер себя называл социологом в этом плане, хотя его взгляды в каком-то смысле резонируют со взглядами классиков.

Там классиков много, но я напому трёх самых влиятельных:

- Это [Адам Смит](#), самый ранний из них, знаменитый автор модели экономического человека о том, что люди — разумные эгоисты, каждый стремится к своему благу, но если позволить им действовать свободно, то они достигнут тем самым общего блага. Автор идеи минимализма вмешательства государства в экономику. Это то, что потом

стало священными камнями либеральной мысли. И вот его знаменитая фраза:

«Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника мы желаем получить свой обед. Платя им деньги, мы взываем их к их эгоизму, достигая тем самым общего блага».

Эта самая невидимая рука рынка — это его идея.

- А потом следующее поколение — [Иеремия Бентам](#), автор «Утилитаризма», который предложил количественную формулу счастья: удовольствие минус страдания. Он провозгласил, что целью является общее благо, достижение как можно большего блага для как можно большего числа людей. Если экономический человек Смита — это атом социальный, а общество — это сумма индивидов, то у Бентама, да, они атомы, но задача — сделать максимально большее количество атомов счастливыми.
- Из них самый поздний, наверное, самый влиятельный мыслитель, ученик Рикардо [Джон Стюарт Милль](#). Если Бентам говорит, что нет, свободную руку рынка надо ограничивать, потому что иначе мы общего блага не достигнем, эгоизм пересилит, надо государством регулировать этот рынок, то Милль здесь смешанную позицию занимает, он говорит, у человека не только есть эгоизм, у него есть и альтруизм, и у него удовольствия высшего и низшего порядка, низшего — понятно, биологические, а высшего — это интеллектуальные, эстетические, моральные удовольствия. Человек получает удовольствие, делая другому хорошо. И поэтому регулировать нужно, но не всё. В общем, такое ограниченное регулирование государством этого невидимого рынка. То есть везде индивид. Это классика английской политэкономической мысли.

СУ. Базовый показатель.

ТХ. Да, английская политэкономическая мысль, конечно, выросла из протестантизма. Конечно, это всё протестанты, это индивидуальное спасение, это каждый одинок перед Богом. Эти идеи лежат в конечном счёте в основании этой философии.

Это всё, конечно, влияло на Спенсера, и он, конечно, был с этим направлением мысли знаком, как вообще все обществоведы тогда с ним были знакомы. Но чем интересен Спенсер? В его ранних наших советских учебниках и в ранних российских учебниках по социологии обычно к социал-дарвинистам относили. Я хорошо помню тему из студенчества, социальный дарвинизм Герберта Спенсера. Это не совсем корректно. Он не совсем дарвинист. Сейчас их разводят уже. Он скорее органическое, или биологическое и эволюционное направление в социологии. Он эволюционист.

Если Конт вдохновлён идеями естествознания и стремится первоначально создать социальную физику, то Спенсер мыслит социологию по законам биологии.

На него [Чарльз Дарвин](#) с его «[Происхождением видов](#)» оказал огромное влияние. И социология — это наука о надорганической эволюции. То есть есть три типа эволюции по Спенсеру:

- Неорганическая — это эволюция природы неживой.
- Органическая эволюция — от простого к сложному биологические организмы и их виды.
- И надорганическая — это там, где появляется психическая деятельность, человек-разум,

человеческие общества.

Социология — это наука об этом третьем типе эволюции, о законах развития человеческого общества. Он очень интересно противопоставлял себя Конту. Он говорит, что Конт своим законом о трёх состояниях человеческого разума предметом социологии делает историю мышления, историю человеческих идей. А я делаю предметом социологии историю вещей, как на самом деле объективно существуют, развиваются и взаимодействуют эти самые человеческие сообщества.

Многие законы развития живой природы, живой материи он переносил на человеческое общество. Иногда студенты и даже некоторые социологи воспринимают всё это достаточно примитивно: дескать, был такой Спенсер, он уподоблял общество живым организмам и животным сообществам, но конечно, он ошибался, потом мы его переросли и т. д., общество значительно сложнее. Нет, коллеги, он мыслил глубоко, сообразно уровню развития науки своего времени. Биология бурно развивается. Труд Чарльза Дарвина взрывное имел влияние на научные умы. Теория классификации видов, начатая [Линнеем](#) и прочее. Закономерно, люди — биологические существа. Они так же, как животные, существуют в социальных сообществах, они хотят пить, есть, размножаться и всё прочее. Почему бы какие-то законы не переносить? Несколько таких параллелей он проводит. В частности, три главные параллели.

- Первое: жизнь человеческих обществ, так же как биологическая жизнь вообще, развивается от простого к сложному. От простых примитивных сообществ охотников и собирателей к сложным современным индустриальным обществам. Точно так же, как от клеток и простейших организмов мы эволюционируем к высшим млекопитающим.

СУ. А деградация, если мы скатываемся, — это, скорее, исключение?

ТХ. Я, честно говоря, не помню у Спенсера вопросы деградации. Где это упоминается? Это упоминается в контексте борьбы за существование видов.

СУ. То есть более сильный побеждает?

ТХ. Более приспособленный. Здесь не именно сильный, а более приспособленный вид вытесняет другой вид. Это есть. Этот закон переносится. Причём это происходит и внутри человеческих сообществ, и между человеческими сообществами, эта борьба за существование, за ресурсы и т. д.

- Второе: в процессе эволюции формируется, усложняется структура. Так же, как структура червя простая, структура лягушки уже сложнее, структура кошки ещё сложнее и т. д. — набор органов, тип нервной деятельности, количество мускулатуры, объём нервной вещества и всё остальное. У человеческих обществ точно так же, их структура увеличивается, расширяется.
- И третье: сообразно этому происходит расширение функций. У этих элементов структуры появляются новые разные функции, которых нет в более примитивных формах существования.

Да, кстати, надо сказать, что Спенсер подчёркивал, что нельзя сводить эволюцию человеческих обществ к биологической эволюции. Точно так же, как биологическую эволюцию нельзя сводить к законам существования неорганического мира. На каждой следующей стадии появляются новые реалии, которых нет на предыдущей.

СУ. То есть усложнение ещё и на каждом этапе происходит.

ТХ. Да. Он был противником редукционизма, сведения сложных систем к простым, как иногда, кстати, его трактуют.

Дальше, Спенсеру принадлежит введение в социологический оборот двух знаменитых терминов: это «социальный институт» и «социальный факт». Причём точное определение социальных фактов потом сделает [Дюркгейм](#), даст классическое развёрнутое определение социальных фактов. Но сам термин в научный оборот ввёл именно Спенсер.

Социальный факт отличается от факта биологического (например, тот факт, что люди хотят есть), от факта психического (я испытываю те или иные эмоции). А это то, что укоренено в обществе, бытие которого общественно. Мода, обычаи, традиции.

СУ. Власть.

ТХ. Политические системы, тип экономики и всё прочее. И отсюда тоже его очень важная мысль и важный вклад в науку, он один из основоположников системно-структурного подхода. То есть он говорит: общество не сводимо к сумме индивидов, это более сложная реальность, она обладает свойствами и качествами, отличными от качеств отдельных индивидов. Он приводил знаменитые примеры, он их чаще всего использует. Например, дом — это не просто сумма кирпичей, балок, раствора и окон. Это некое сооружение, выполненное с определённой целью. Организм — это не просто сумма лап, ушей, хвостов, печёнок, сердец и т. д. Они выстроены и функционируют в определённом порядке.

Это очень важный принцип для социологии и вообще общественных наук, и гуманитарных наук, этот принцип структурно-системный система. Система, в отличие от простой суммы элементов, характеризуется:

- а) наличием особых связей между этих элементами,
- б) подчинённостью цели определённой.

Все системы имеют целевую функцию. Система не существует потому, что она существует для того, что, условно говоря. И это в полной мере справедливо для общества.

Социальные факты — это факты, связанные с этой системностью общественной жизни, с тем, где социальное не сводимо к индивидуальному. Эту мысль потом разовьёт Дюркгейм, классик уже чистого социологизма.

А второй термин — это «социальный институт».

СУ. Это его термин?

ТХ. Это его термин, да. Он очень важен для социологии. Причём он даёт нам классификацию этих институтов. Он говорит: есть домашние институты (семья, брак, способы воспитания детей). Например, на Кавказе есть такой институт воспитания, как [аталычество](#), когда мальчика в семь лет отдают на воспитание в другую семью. Почему? Потому что родители могут его избаловать, а он должен вырасти воином, представлять свой род. А вот аталык, его воспитатель, не избалует.

СУ. То есть оторвать от среды привычной?

ТХ. Да. Аналогичная практика существовала в рыцарских семьях, когда мальчика тоже в возрасте семи – восьми лет в качестве пажа отдавали на воспитание, потом он становился оруженосцем, в 15-16 лет его посвящали в рыцари, и он возвращался в родную семью.

СУ. Фактически потом это у нас заменила школа, в которую тоже мы в районе семи лет отдаём. То есть отрыв от семейного очага.

ТХ. Да, школа — это более сложный институт.

СУ. Я имею в виду, почему в семь лет. Наверное, где-то оно отсюда и исходит.

ТХ. Да. Обрядовые институты — это обычаи, привычки, нравы: обычаи гостеприимства, похороны, свадьбы и всё прочее. Социальные ритуалы, которые упорядочивают повседневную жизнь людей, повседневные взаимодействия и т. д. Это такие институты повседневного социального контроля.

Институты промышленные, производственные. Например, цеховая организация, гильдия.

СУ. Вообще разделение труда.

ТХ. Да, связанные с разделением труда, «профессиональные институты» он их называл. К промышленным институтам он относил более сложные, те, которые уже существуют на современном этапе.

Институты управления, или политические институты (армия, полиция парламент и т. д.).

Он прослеживает, строит типологию обществ. Например, в процессе эволюции от кочевого к полуосёдлому и осёдлому образу жизни общество переходит по мере развития. Говоря марксовым языком, производительных сил, экономических институтов и т. д.

Что интересно, Спенсер не даёт чёткого определения института. Но мы могли бы его определить так, если его понимание переводить на современный язык, что

институт — это устойчивая модель взаимоотношений в обществе, носящая обезличенный характер и служащая выполнению важных для общества функций.

Условно говоря, есть институт отцовства. Неважно, кто конкретно отец — Вася, Петя или ещё кто-то, но у него есть некий статусно-ролевой набор отца, который подразумевает, что он должен быть добытчиком, защитником, воспитателем, судьёй и т. д. Есть институт образования, где люди более компетентные передают знания, умения людям менее компетентным. И он может по-разному выглядеть: домашнее обучение (в крестьянской семье отец учит сына); элементы профессионального обучения (мы отдаём сына в подмастерья или дочь в мастерицы) и т. д.; формальные, школа, суз, вуз и прочее, то есть по мере эволюции человеческих обществ эволюционируют эти институты.

Институты охраны правопорядка от народных дружинников до полиции, следственного комитета, прокуратуры и т. п.

СУ. Я вижу, это всё тоже связано с разделением труда.

ТХ. С разделением труда и усложнением общества, увеличением его членов и их специализацией.

СУ. Получается, что

в основе каждого института лежит какая-то идея, когда он осмысливается как отдельная сфера деятельности.

ТХ. Функция. Скорее так.

У общества возникают некие потребности. Они сначала удовлетворяются привычными способами, потом возникает понимание того, что надо как-то эти потребности удовлетворять. Это и называется институционализация.

СУ. То есть, определённая социальная практика нарабатывается.

ТХ. Нарбатывается, а потом она переводится в некие формальные уже рамки. И вот институт — это некая [формализация]. При том, что институты есть формальные, есть неформальные. Например, в японском обществе человек строит карьеру, неважно, в крупной компании, в политической, в государственной службе и прочее. Там очень важен институт личных связей, условно, такие патрон-клиентские отношения, институт Древнего Рима.

СУ. Как блат в Советском Союзе.

ТХ. Как блат в Советском Союзе, совершенно верно. Это пример неформального института.

А есть институты вполне себе формальные, ещё раз, образование, полиция, право. Он их уподоблял органам. Как в человеческом организме есть печень, сердце, лёгкие, и каждый выполняет свою функцию, а вместе они связаны и позволяют жить всему организму. И вот он говорит:

Армия — это кожный покров, транспортная система — это кровеносные сосуды, экономика — это пищеварение (земледелие и производство), политические институты — это нервная система, они дают мозг.

СУ. Получается, если мы такие аналогии проводим, то какие-то социальные институты [отмирают], как, например, наш копчик является атавизмом хвоста. Они тоже отмирают, получается, по мере развития.

ТХ. Совершенно верно. Иногда они отмирают с большой ностальгией. Например, сейчас общество переходит в то состояние, которое социологи называют индивидуализированное общество, по крайней мере, мы имеем в виду Запад, Россию — то, что поддаётся влиянию глобальной культуры интернета и т. д. Многие такие традиционные институты родственных связей, каких-то коллективных форм проведения досуга, дружеские вечеринки, они уходят в прошлое, они становятся редкостью и т. д.

СУ. И виртуализируются.

ТХ. И виртуализируются.

СУ. Кстати, вот хороший пример. Есть же институт бесед. Сегодня у нас беседа, это была наша первая часть сегодняшней программы. И ещё есть институт лекций, а это вторая часть нашей программы. И по большому счёту с использованием новых технологий (мы не видим тех, кто нас слушает, но тем не менее) мы с ними участвуем в беседе, и у вас лекция, Тему́р Айтече́вич.

Так что институты ещё и видоизменяются.

ТХ. Не все формы человеческих взаимоотношений сводятся к институтам. Ещё раз,

институты — это устойчивые модели, которые долго воспроизводятся во времени и удовлетворяют важные потребности общества, выполняют важные функции.

Кроме этого, есть большое количество других типов отношений, личных, родственных, случайных, ситуативных и т. д. Например, дружбу вряд ли можно считать институтом, это скорее феномен, он есть во всех культурах. Но институциональное оформление дружбы может быть разным. Условно, как часто ходить в гости, какие делать подарки, есть ли какие-то прямые обязательства или нет? Хотя содержание, оно естественно.

Или романтическая любовь. Это же не институт, это феномен, он известен во всех культурах. А брак — это уже институт, как оформляются семейные отношения.

СУ. То есть, когда есть формализация, то это становится институтом.

ТХ. Да, совершенно верно.

СУ. Принято. Темыр Айтчевич, мы же начинаем с нашей базы социологии. Это же XIX век. Во что развились идеи Спенсера? Это же ушло потом в век XX. Какие мыслители-социологи развивали его мысли и в какие современные научные тенденции это развилось?

ТХ. Спенсер большое влияние оказал на социологию. Во-первых, сами идеи этих социальных институтов, социальных фактов дальше стали рабочими инструментами социологов. Спенсер — сторонник умеренного индивидуализма, где-то в духе, наверное, Джона Стюарта Милля, они созвучны по взглядам на политическую организацию.

Спенсер говорит, что есть два типа обществ: военные и индустриальные.

СУ. То есть он так противопоставляет?

ТХ. Да, он их противопоставляет таким образом. И в качестве примера военного общества он приводит Спарту. Там коллективное преобладает над индивидуальным, там жёсткая организация, там мобилизационный тип существования и там личное подчинено общему. Это плохо.

СУ. То есть он даёт ещё морально-этическую [оценку].

ТХ. Да, там это присутствует, может быть, не в явной форме, но вся обществоведческая мысль XIX века всё время пытается дистанцироваться от моральных суждений, но не получается. Они говорят, что мы будем объективны, но в этой объективности всегда определённая позиция присутствует.

А более справедливый, более комфортный для индивидов тип общества — это в промышленное, или индустриальное, общество. Он современную Англию XIX века (она была тогда лидером)...

СУ. Это зарождение империализма промышленного.

ТХ. Да, совершенно верно. Он не рассматривает, какой вклад в благополучие вносят колонии, он на этом не концентрируется. Но он говорит: смотрите, здесь возможностей выбора

профессий много, возможностей политических ориентаций много, возможностей выбора способа существования для личности много. И здесь общая система служит частному индивидуальному благу. Вот это хорошо. Эту систему надо регулировать, чтобы она служила. Он сторонник тоже ограниченного регулирования. Эта вся «невидимая рука рынка», минимум государства — это Адам Смит. Все остальные были более осторожны. Их иногда просто в одну кучу смешивают. Он говорит: нет, конечно, нужны законы, нужно регулировать и т. д. Но цель — это индивидуальные права и свободы.

То есть

Спенсер — один из научных певцов классического либерализма, одной из трёх великих идеологий XIX века.

Я напомним, что их три главных — это либерализм, консерватизм и марксизм, который встал в оппозицию и к тем, и к другим.

Эти идеи Спенсера о обществах военных и индустриальных мы почти в буквальном смысле находим повторение у [Карла Поппера](#), идейного врага Советского Союза, в его книге «[Открытое общество и его враги](#)». Этот критический рационализм, другие наследники — это всё британцы, это [Бертран Рассел](#), знаменитый историк западной философии, это Карл Поппер, его «Открытое общество его враги», причём, помню, в период [перестройки](#) эта книга подавалась как некое откровение.

СУ. Она до сих пор считается базой для тех, кто у нас реформы двигает.

ТХ. Да, причём там Поппер критикует, начиная с Платона, потому что это первый певец коллективизма и подчинённости. По сути, это развитие, на самом деле, [диалога](#) Платона и Аристотеля и доведение до крайности их позиций, потому что, условно говоря, Платон считает, что государством должны править брахманы, каста философов после 50 лет, ведущих аскетичный образ жизни, в качестве идеала он Спарту, конечно, видел. Аристотель говорит: нет, полис, где средний класс, условно говоря, этот тип существования, где благо отдельной семьи, задача общества — обеспечить каждому это благо. С этого начинаются эти идеи.

Но Поппер Спенсера повторяет очень близко, говорит, что в этих индивидуалистических обществах возможно сопряжение идеализма с милосердием, они более милосердны. Кстати, непонятно почему. Если в обществе все люди озабочены своим эгоизмом, почему оно более милосердно? Он логических оснований не даёт, но он во введении это очень изящно предвосхищает. Он говорит, я сейчас дословно почти процитирую:

«Моя книга не предлагает читателю ничего, кроме того, что не доказывается там, где не может быть доказано».

Примерно так: «Я не доказываю там, где ничего доказывать не надо». Это самоочевидная вещь.

СУ. Идеалисты все такие.

Темыр Айтчевич, в финале вопрос. Для тех, кто захочет поинтересоваться поглубже, что стоит почитать у Спенсера?

ТХ. [«Основания социологии»](#), это самая главная его работа. У нас много учебников по истории социологии выходили. Самый полный, если брать до конца XX века, — это четырёхтомник [«История теоретической социологии» Юрия Николаевича Давыдова](#). Он издан в далёком 1990 году. Это крутая вещь. Её делали советские классики с глубоким пониманием и т. д.

Всё последующее — [«История социологии» Сергея Николаевича Кравченко](#), один из крупнейших наших современных социологов, бывший зав. кафедрой социологии МГИМО, ныне просто профессор кафедры. Я сейчас не помню, есть ли там Спенсер. По-моему, есть.

А есть учебники Кравченко, [Зборовского](#), неплохие, они разные, их много на самом деле.

СУ. Для тех, кто захочет сориентироваться, этого будет более чем достаточно.

Темыр Айтчевич, спасибо большое за продолжение. Чистота социологического понимания повышается. Скажите, кто у нас будет следующий герой?

ТХ. Следующим мы возьмём Эмиля Дюркгейма, мою любимую фигуру XIX века, второй его половины, человек, которому социология обязана окончательной институционализацией как раз, потому что он огромную часть своих трудов посвятил доказыванию её места под солнцем, потому что во второй половине XIX века это место оспаривали две другие науки. С одной стороны — политэкономия, которая говорит: «Слушайте, вы что придумали какую-то социологию? Мы всё объясняем». А с другой стороны — психологи, которые говорили: «Послушайте, есть научная психология, и люди — это люди, а вы тут какую-то социологию».

Дюркгейм отстоял ей место под солнцем, и много интересных идей он выдвинул. В завершение, мы говорим, что социология появилась как реакция на трансформации XIX века, на кризис [Великой французской революции](#), на капитализм этот ранний жестокий, и реакцию общества на него. И эти учёные, они все гуманистичны. Спенсер говорит, что социализм, социалистические идеи — это, конечно, фигня, но вообще государство с социальным лицом, некий капитализм с человеческим лицом — это да. А Дюркгейм, наверное, где-то даже симпатизировал социалистическим идеям, он дружил с лидером партии французских социалистов и вроде как он их и критиковал, но в то же время там симпатии есть.

СУ. На нашей вводной беседе мы вспоминали, что один из предтеч социологии [Сен-Симон](#) — это же социалист.

ТХ. Да, утопический социализм, [Роберт Оуэн](#), Клод Анри де Сен-Симон, да.

СУ. Отлично, я в предвкушении, Темыр Айтчевич, большое спасибо за сегодняшнюю беседу. Очень помогает.

Уважаемые слушатели, пишите, пожалуйста, в комментариях. Мы выходим на всех площадках, а также оперативно оказываемся в подкастах на Яндекс. Музыке. Там вообще очень удобно слушать. Пишите вопросы, комментарии, пожелания. Наша рубрика будет чередоваться с разбором современной культуры и советской античности. Это был 75-й выпуск «Социологии здорового общества». Да пребудет со всеми чистота понимания! До новых встреч.

ТХ. Всего доброго.

[Словарь когнитивных войн](#)

[Телеграм-канал Семена Уралова](#)

[КВойны и весь архив Уралова](#)

[Группа в ВКонтакте. КВойны. Семён Уралов и команда](#)

[Бот-измеритель КВойны](#)
[Правда Григория Кваснюка](#)